

МЕСТАМИ ТУМАН

ПОРОШКОВЫЕ ИСТОРИИ ГОРОДА ПИТЕРА

*Надя таким верила,, такие стоят молча.
И умирают молча. Такие не сдадут.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД
СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА

Оглавление

[Аннотация](#)

[Глава 1](#) О том, как нашёлся Серёжа

[Глава 2](#) Вокзальные черти. Юрок. История морячка.

[Глава 3](#) Порошковая торговля в клубе на Литейном. Мамоля. Мама Жирафиха.

Аннотация

Литературный фонд Сергея Семенова представляет вашему вниманию фрагмент рассказа **рассказа «Местами туман»**, пишите на электронный адрес нашего Фонда и мы направим вам полный текст рассказа в составе сборника - после оказания помощи Фонду. Данное издание - сигнальный экземпляр, на сайте **WWW.HAPPYRESUME.RU** размещены и другие тексты Сергея Семенова. В качестве новинки на сайте **использованы moovie-иллюстрации (буктрейлеры)**. Приобрести полный текст повести и других произведений вы можете, нажав на кнопку "Перевести" (ниже указанной стоимости произведения), при этом вы перейдете в платежный сервис ЮMoney, там укажете в строке свой электронный адрес и перечислите с карты, заполнив ее данные в сервисе, в ЛитФонд сумму, которая была указана на сайте над кнопкой "Перевести". После перевода на ваш электронный адрес поступит выбранное вами произведение в нескольких форматах: ePUB (для электронных книг), также в форматах pdf и zip. Кроме того, вы можете написать нам по адресу:

semenov-2211@yandex.ru

Мы надеемся, вам понравится наш проект ЛИТФОНД

Краткий сюжет рассказа "Местами туман": криминальный мир Петербурга наших дней. Съемные квартиры, поставки наркотиков в городские отели, в богемные кварталы и клубы. Содержит эту структуру Надя-Стрелка, а прикрывает ее старый приятель Юрок. Все отлажено идеально и не дает сбоев, приближая Надю к мечте - тихой жизни в Финляндии. Но однажды Надя знакомится с водителем Сережей и железная выдержка дает сбой. Они привязываются друг к другу, возникает другая Надя, из позабытого прошлого, возвращаются к ней переживания детства, трагедия одиночества, все, что она, казалось, навсегда заперла в сознании. Долго ли будут длиться неожиданные

Надины каникулы и сколько отпущено любви, которая разрушает размеренную Надину жизнь?

Автор был знаком со многими прототипами персонажей рассказа, поэтому читателю предоставляется возможность увидеть тайную городскую жизнь такой, как она есть на самом деле, со всеми мрачными и захватывающими подробностями. Рассказ "Дожди и туманы" - краткий вариант литературного сценария "Надя-Наденька", который скоро будет возможно скачать на сайте WWW.HAPPYRESUME.RU.

СТРОКИ ИЗ РАССКАЗА "МЕСТАМИ ТУМАН"

Нинка была у Нади из лучших. Мало того, что красивая, так еще и соображает. Красивые же все без башки. А Нинка... Надя таким верила. Такие, как солдаты: стоят молча и помирают молча. И не сдадут. Как солдаты, на войне.

* * *

Посреди этой осени один только попался ей надежный. Глазастый. И надежный. Откуда она это взяла, сама не знает. Серёжей звать. Серёжей. Странно, что этимдохлым, стёртым, дрянным, пустым утром ей попался Серёжа. У неё, у Нади, с Серёжами всегда хорошо. Но он не все. Он особенный.

* * *

Надя вышла из машины, взяла сумочку и велела ему поглядывать. Время такое. Гулкое. Сказала и пошла к подъезду. Гостиничка длинная, целый квартал занимает. Надя шла и думала про Балтийку и Солдаговку. Стали там бабло притыривать. Не может быть, чтоб полно клиентов и такие выходы. Пришлет она к ним Юрка, пускай разбирается. Сам говорил, набирай новых. Вот и набрали.

* * *

Длинный закрутил башкой, высматривая, куда свалить. Но Сережа успел раньше, он толкнул тёрханного на длинного. Тот покачнулся. Надя, нащупав наконец свинчатку в кармане, выдрала её наружу и перетянула длинного по затылку. Тот лязгнул зубами, хотел было назад, но не успел. И-мх-х... Он кашлянул и наклонился. Как будто хотел что-то разглядеть на мостовой, на ноябрьской ледяной панели. Под черными тенями.

* * *

Надя достала из сумочки платок и хотела протереть ему рожу-то. Сережа повернулся к ней, по лицу его скользнул фонарный свет. И в этом жалобном, желтом свете выскочила к Наде глупая, давно позабытая радость: ты есть, а это главное. Ты у меня есть. Да?

И сжала его руку. Как будто шли они по наледи и она, Надя, боялась поскользнуться. Поэтому и ухватилась. Даже и говорить не хотелось, ясно всё.

* * *

Долго объясняться с ним не стала, сроду этого не умела. Всё ему, как есть, расписала: так, мол, и так, у меня одна бригада на Морской, другая на Старопетровской, третья - на Саблина. Про порошок даже не заикнулась, сам допер. И решение, что не могут они вместе, вышло у него легкое. Губы дрожат, все за нее, за Надю, хватается, а куда деваться. Она уже и видела, поправились у него мозги, полетит сейчас к жене, каяться.

* * *

"И как уж Сережа дальше на нее смотрел, Надя не могла разобрать. Плечи ее затряслись, она хватанула воздух и

всхлипнула. Сережа к ней придвинулся и за руку взял, и что-то там говорил. Надя плохо его слышала. Ну, понятно, что в таких случаях говорят. Ну, жалко. Ну, правда, жалко. А она, Надя, просто подумала, что Сашка теперь наконец-то в своей Жирафии. Со своей задумчивой ласковой Жирафой. И вот поэтому ей, Наде, хотелось зарыдать. Но рыдания эти забили горло и никак не могли наружу вылезти...

Литературный фонд Сергея Семенова
Москва, 2021
www.happyresume.ru
Все права защищены

**© Все права на данное произведение принадлежат Самойлову А.Ю,
Москва, 2022**

МЕСТАМИ ТУМАН

Действующие лица и персонажи, которые упоминаются в тексте:

Надя-Стрелка - владелица криминальной структуры. У нее несколько квартир «с девочками». Кроме того, Надя занимается продажей наркотиков по всему Питеру

Сереза – водитель, с которым случайно знакомится и уже не отпускает от себя Надя

Юрок – Надина криминальная «крыша». Когда-то у них вышла яркая любовь. Теперь Юрок - только Надин деловой партнер. Так, во всяком случае кажется Наде, пока в ее жизни не возникает Сереза

Саша – Надина сестра, погибшая подростком, которую Надя вспоминает в разговорах с Серезей

Николай Сергеевич Ивлев - бывший инспектор по делам несовершеннолетних, его Надя тоже часто вспоминает. Этот человек имел отношение к растлению девочек, из-за него погибла Надина сестра. Он как-то сумел увернуться от следствия. Надя его ненавидит и собирается убить. В данном рассказе - «Местами туман» - Ивлев только упоминается, полностью о нем, о том, как убили Киляшу, о том, как Надя вышвырнула двух парней от бабки Грячкиной, о буковках, ползущих по обоям, о волчьей голове в подворотне читайте в **литературном сценарии «Надя-Наденька»**, который СКОРО ПОЯВИТСЯ на сайте www.happyresume.ru

Бабка Грячкина – хитрая питерская старушенция, с обширными криминальными знакомствами, она давно знает Надю. У неё Надя время от времени любит прятаться, если настроение плохое

Тарас Тареев, Тарей, по прозвищу ТТ - известный питерский рок-музыкант

Ланка, Светлана Одинцова – бывшая балерина, теперь любовница Тареева, наркоманка

Мамоля – старый Надин клиент, очень богатый человек, которого наркотики медленно, но верно добивают

Оля-Левая, Арина-Рядок – любовницы Мамоли

Лиснякова – Надина девочка, из-за которой Надин бизнес атакуют заезжие бандиты

Коля-Николай – охранник крупного питерского отеля

Бека – администратор того же отеля

Юлик – администратор клуба на Литейном проспекте

Высокий и Тёрханный – агрессивные вокзальные воры

Дрон – знакомый врач Нади, специалист по женским болезням в клинике на улице Герцена

Петлик - еще один знакомый Надин врач, хирург

Нинка – одна из лучших Надиных девочек

Ленка, Машка-Капут, Лиля-Мушонок, Ирка-Морозок, Женёк – Надины девочки

Маля – Надин клиент из клуба на Литейном

Кияша - бандит, с которым Надя жила несколько лет назад в Выборге, куда вынуждена была уехать после неприятностей с полицией в Петербурге

Флотский – моряк, с которым вышла у Нади однажды лирическое приключение, которое чуть не кончилось ее гибелью

Жаргон в тексте:

Вязочка, айс, снежок, крокодил, сандалька, шмаль – различные наркотические препараты, упаковки препаратов и отдельные, расфасованные для употребления дозы

Бобок – свинчатка на ремне, современная разновидность холодного оружия ударно-дробящего действия – кистеня

Хазанить – торговать собой на съемных квартирах

Бан - вокзал

Жарик - агрессивный, способный при случае на преступление, опустившийся человек

Вольна - пистолет

Городские топонимы в тексте:

Летер - крупный питерский отель «Англетер»

Акварели - парк-отель на берегу Финского залива

Ольгино, Разово, Фарофорка, Лисий Нос - места загулов криминальных компаний на побережье в частных гостиницах

Бабкино - улица Бабушкина, на юго-восточной окраине Питера

Стамеска - монумент на площади Восстания, в самом центре, у Московского вокзала

Флянский - Финляндский вокзал

Сидуха - улица Седова, тянется от Глухозерского шоссе к Кольцевой автодороге

Малярня - Академия художеств на Университетской набережной, там где ушастые гранитные кошки сидят, сфинксы

Обуховка, проспект Обуховской обороны – длинная унылая дорога на юго-восток города, к метро Пролетарская и Шлиссельбургскому проспекту, к Кольцевой

Глава первая

Надя везет Нинку к Дрону, в клинику на Герцена. Знакомство с Сережей. Обед в "Восточном экспрессе". Воспоминания о Киляше. Надя берет Сережу на работу и определяет на постой к бабке Грячкиной.

По радио все то же: туман, дождь, холода. Ясное дело, октябрь. И Ладога, как пьяная. Штормит Ладогу.

Надя везла Нинку к Дрону. На Герцена. Дрон был по женским. На Саблина у Нади свой венчик, в Крестовской больнице токсичка. Если что серьезное. На круг похоже: Саблина, Крестовка, Герцена. Но это как когда. Бывает ведь и тихо, если жить дают. Бывает. Когда девчонки из ее квартир-съежек тихо себя ведут, не лезут в пекло.

Нинка была у Нади из лучших. Мало того, что красивая, так еще и соображает. Красивые же все без башки. А Нинка... Надя таким верила. Такие, как солдаты: стоят молча и помирают молча. И не сдадут. Как солдаты, на войне.

Осень Надя не любила. Хотя, может, и красиво. Но не любила. Слякоть. Темнота. Ветер с залива пробирает. И пальцы стынют.

Смотрела она в окно и думала о том, что Нинка теперь заляжет, надо новую девочку брать. Найдет, конечно. Только ведь с новой и вляпаться можно. Запросто.

Нинка, крупная, задастая, сидела рядом. И глаза Нинка прикрыла. Видно, ей было совсем плохо.

- Нинка, Нинк, - позвала Надя, - ты как?

Нинка открыла серые глазищи, облизнула губы и кивнула ей.

- Да ладно, фигня... Скоро приедем?

И по тому, как она это сказала, как взглянула, Надя уж и поняла: еле тянет Нинка.

- Да вон ворота. Тут влево надо. Ну, вле-во же!

Водила, парень какой-то, чернявый, хмурый, дернул по тормозам. Проулок узкий, а со встречики придурок вывернул. Нинка охнула.

- Хрена дергаешь, не видишь...

Парень вздохнул, выправил машину. Поехали, как по перине. Значит, понимающий. Ей, Наде, такие не часто попадаются. Ей – такие...

Охранник вылез из будки, рожа кислая. Не пускает? Не пускает. Так бы и дала в толстую эту рожу. Со всей дури. Так бы.

- Нам в приемный. Нам... Ну, что тебе сказать, что? Денег дать? Ну, не дойдет она, ясно? Какого...

Машина ткнулась в шлагбаум. Капотом прямо. И парень этот, чернявый водила, открыл дверцу, попер вон из машины.

Охрана что. Они сами по себе. Но он, чернявый, с ними как-то разрулил. Шлагбаум подняли. И Надька заметила, как-то парень с охранником этим, потреханым дядькой, по-свойски сговорился, потихому.

Когда парень сел обратно и они тронулись, Надя его оглядела. Когда ловили они с Нинкой на Крупе тачку, не до того ей было. Надо ведь скорее. Скорее. Вот и выловили. Друг-друга. Он - ее, она - его.

Выловили. В городе сонном, осеннем. В морском городе Питере. На Крупе, в самом ее сливном конце, у набережной. В далеких пустых кварталах. На окраине. Где по утрам в октябре та-акой туман, трамвай по крышу тонет.

А диктор по радио болботал что-то грустным голосом. От такой погоды какой же еще голос.

Когда помог он Нинке из машины вылезти, Надя еще раз на него, на парня взглянула. Мужчин Надя сразу размечала.

Если брови кривит, рукой поводит и плечом так... Тогда картон. Расклеит и свалит. Не пойдет. Надо отцеплять сразу. В одно касание. Если глаза тарацит, орет, за руки хватает. Тогда вата. И что? Юрке сказать. Юрок может и заварить. Может, правда. Наглухо. Но это редко. Чаще Надя сама разбиралась. Ее в городе знали. Надя-Стрелка взглянет, как бритвой полоснет, лучше не связываться.

Только этот водила особенный. Какой? Свой, понимающий? Нет. Как товарищ. На тихой Надькиной войне. Где все против всех. На ее маленькой войне в мирном Питере. С пятницы до вторника. С десяти до трех ночи. Где метадон в пачках по сто. А дальше непруха, ночь глухая, страшная. Дальше едут спать. Потому что хорош, себе дороже.

Так какой же он, этот парень? Просто глазастый, да? У Нади глазастых полно. И лупоглазых. И губастых. Ментовских и профурских. Всяких. Нет, не по работе. А так, так...

Надя велела парню ждать.

- Дождись, понял?

- Ладно...

Вот и все разговоры.

Они поднялись с Нинкой на крылечко. С бокового входа. Чтоб сразу к Дрону. Чтоб без вопросов. И без ответов. Про запястья там, про подколенки. Про куда колола и сколько. Чтобы без этого. Совсем.

И когда они поднялись, по ступенькам-то, Надя оглянулась. Парень на нее смотрел.

А вокруг был стылый сад. И вороны по душе когтями скребут. Ограда-петельки. Тоска. Но он так смотрел. Чернявый парень. Странно? Да черт с ним. Ей бы только Нинку пристроить. Только бы...

Ну, дальше что. Обычный лай. А как же, мол, раньше?... А так же. А куда я ее?... Туда, вот, туда. Пятерик сюда, каталка туда. И все.

Правда, Дрон был кислый. Спал, наверное, не с той и не там.

А еще погода. Туман-дожди. Квёлая такая погода. Лужи. Вороны. И ограда. У каждого такая же. Где не прячься, все равно сюда привезут. Когда-нибудь. Не так, что ли?

Надя вышла, закурила. Нинка ей до боли плечо сжала, когда по коридору шли. Ну, ну, Нинка, вытянешь, хорош рожу кривить. И все. Все!

И Надя вверх посмотрела. Там что, вверху? Серое? Нет, там просвет вылез. Над оградой, над окнами, белым замазанными, над собаками, санитарками, над черными кленами, над всеми бедами, над... Про-свет. И все так идет, все. Полосами. Вот он, просвет. Будто оттуда, сверху, кто-то грустный свой Питер разглядывает. И прикидывает про ее, Надину, жизнь. Куда она бежит, куда клонится.

Вышла и спросила его:

- В Купчино свезешь?... Сколько?... Машина твоя?...

Свезет. Машина своя. Или врет. Или нет. Или.

Из машины Надя смотрела на витрины, прохожих, фургоны, на буквы и огни. И на него, на парня этого смотрела. Посреди этой осени один только попался надежный. Глазастый. И надежный. Откуда она это взяла, сама не знает. Сережей звать. Сережей. Странно, что этим дохлым, стертым, дрянным, пустым утром попался ей Серёжа. У нее, у Нади, с Серёжами всегда хорошо. Но он не все. Не все.

Но может она закурить и на него, на глазастого, посмотреть. А он на нее. Из этого ничего ведь не выйдет. Никакого просвета. Как над больницей, в небе. В далёком питерском небе. Ясный перец.

Они ехали и смотрели. На фуры, светофоры, на ментов, на бабок по углам. И друг на друга.

Это иногда так выходит, если люди сидят вместе в одной машине, в старой "матрёхе", сидят и едут по лишним улицам странного города Питера. Сидят и думают про своё, а выходит у них общее.

Но в Купчино вышел облом. Хозяйка Ленку выкинула, пришлось ее на Лиговку переть. Потом оттуда, с Лиговки, кое-что забирать. В двух вязочках. Две вязочки по половине, одна целая. Выходит триста штук, не меньше.

Сереза этот сидит, ни гу-гу. Как будто не въехал еще. А если въехал, то совсем молодец. Но это еще как сказать.

- Мне водила нужен. Ты как?

- На время или...?

На два часа. На два года. На всю жизнь. Счаз-з! Имя - это еще не всё. Мало ли, что Сереза. А он молчаливый, а он на нее смотрит. Эх, вот же ты, Надя, дура!

- Работа по вечерам. И ночью... тоже. Город знаешь?... Вечером, после десяти приезжай... Где утром нас подобрал, помнишь?

Приезжай... Помнишь...

Сквозь все грёбаные эти дневные дела, сквозь хриплых ворон, сквозь вязочки («По сто возьмешь, Юрок сказал... Ска-зал!») вылезали к Наде глупости. Весенние глупости посреди сонной питерской осени. Когда многим хочется айса жахнуть - и в астрал. Закинуться с холода. С этих улиц гадовых. Где старухи на ведьм похожи. Или нет? Нет!

Сквозь серьезные эти раздумки к ней, к Наде, лезли глупости. Такие, просто ах. Парафин с антифризом.

К обеду они с Серезей решили передохнуть. Хорош. Все тетки заряжены, а парни – ещё при штанах. Чего ж больше?

А Сереза на ее "пошли" сказал, что подождет. Какое там. Что же, не видит она, что ли, ему жрать охота. И потом, надо же его засмотреть. Юрок в обязаловку спросит, какой еще водила. Наш? И что она ему, Юрке, скажет? Абы я?

Сели в уголке. Сереза оглядывается. Или скатерть оглядывает. А что ее, скатерть, разглядывать, чистая она.

- Откуда сам?... Выборг? Я там жила... Долго.

В Выборге Надя жила с Киляшей. Давным-давно. Он, Киляша, был смирный, смотрел за стадом и был бережлив. Хотел проехать между порошком и ментами. Хотел... Только не вписался. И Надя из Выборга свалила. Зачем ей спецура. Киляшу они ей все равно не вернут. Не

вернут. А беседовать ей некогда. Выборг - город скромный, каждая мамашка наперечет. И заработки смешные. Не годится. А тут, в Питере, у Нади четыре съемки и табун девчонок. Только давай. И Юрок еще. Для прикрытия, для перемотки. Если не задастся какой поворот.

- ...Ты что вообще делаешь? Бомбишь? А живешь где?

Еще спроси его, с кем. Что, интересно, он ответит. Свободен? Или да?

Дела мотали душу. На Флянском ждала ее Машка-Капут. Но Машка может и подождать. Не помрёт.

У Сережи были странные глаза. Серые с синими. Синие с серым. С зелёным? Подходящие глаза.

Суп Надя выбрала рыбный. Семга, сливки там. Хороший такой суп. А потом принесли по свиному медальону.

- Прожарили? Нравится?

Ей хотелось, чтоб понравилось. Сережа хвалил. И все на скатерть пялился. А надо известно куда. Надо Наде в вырез. Или нет?

Она оглядела себя в зеркало. За ними по стенкам здесь все зеркала. Как будто в поезде, в эсвухе, прёшь. Ресторан не зря "Восточный экспресс" называется. И вход с улицы, вроде бы как фартук паровозный.

У него денег негусто, уж и видно. Щеки втянулись. Ну, подкормят. Девочки у неё такие, только дай кого, сразу - цанга. Только нечего им. Она его сунет к Грячкиной. К смирной бабке Грячкиной. На Чёрную речку. Пускай. Как-нибудь.

И в вырез он ей не пялился. И не расспрашивал. Но кое-что понял. Но ничего, вида не подал. А что по ментуре он, Сережа, чистый? Пробьем. А машина? Машина сама по себе.

Бабка Грячкина даром, что трухлявая, насквозь она видит. Пока говорили, раз зубы выкатила, другой. И хмыкнула. Молодой, мол, у тебя! И щурится, ах рожа плывет. Тебе-то что, кочерга, молодой он или провислый. Какая тебе печаль?

Так он, Серёжка, у нее, у Нади, и завелся. С того самого утра, когда Нинку к Дрону отвозила.

Глава вторая

Ночные переезды с вязочками. Нападение вокзальных чертей. Прошлое Нади и Юрка. История с морячком.

- ...За углом поставь. И жди.

Ночной город на дневной совсем не похож. Днем тут что? Трамваи, народ, автобусы с чухонцами пьяными. А ночью... Асфальт блестит, от фонарей дорожки. Окошки все темные. Только у малышовой больницы, на Греческом, красный крестик мигает.

Надя вышла из машины, взяла сумочку и велела ему поглядывать. Время такое. Гулкое. Сказала и пошла к подъезду. Гостиничка длинная, целый квартал занимает. Надя шла и думала про Балтийку и Солдатовку. Стали там бабло притыривать. Не может быть, чтоб полно клиентов и такие выходы. Пришлет она к ним Юрка, пускай разбирается. Сам говорил, набирай новых. Вот тебе и набрали.

У подъезда окна желтые. Внутри люстра переливается. Везде ночь-темнота, а тут уютно, тут гости дрыхнут. И гостям этим её айс нужен. Какое же без него веселье. Бека закладочки от нее возьмет, с субботки заплатит. По сто каждая пойдет.

Впереди маячил обелиск. Стамеской называется. Башенка метро, вокзал напротив, троллейка на Невский заворачивает, голубые искры просыпает. Тишина. И холод по спине ползет.

Надя передёрнула плечами, идти всего ничего, а как задувает. Прямо под подол.

Подошла к высоким дверям и дернула створку на себя. И-мм-я, - протянула створка. Че, мол, ты, Надька, по ночам шляешься?

- Коля, привет! Спишь на посту?

Коля-Николай, высокий, лысый, кивнул ей. Рожа недовольная. Постарел Коля, не тянет.

- Надя, Надя... Какая ты всегда... прямо цветик...

Бека вырулил из коридора, она и не заметила. И полез, полез обниматься.

- Хорошо трепать. Давай, доставай... С тебя от субботки ничего нету. Снежка надо. Теперь на него как раз интерес.

- Тут все... Отойдем, засмотрим.

Прошли по коридору. Пусто, тихо. В глубине вестибюля мозаика переливается: рыцари, кони, облака. Как раз по месту. Тут рыцарей навалом. И коней.

Что у нас тут? Пачки в связках. Таблетки в пакетиках. И ампулы с "крокодиллом", по паре миликов каждая.

- ... За сотенку идет? Разом возьмем. Стянешь?

- Ты что думаешь, я грузовая, полную возить? Тут ведь менты центровые, зачешут.

- Наденька, войди в мои расклады...

- Ладно, спрошу. Звякну тогда, понял?

Надя щелкнула замочком и расправила шарфик. Бека взял ее за руку.

- Малька заправишь? У меня хороший коньяха есть.

- Некогда, дел полно. Всё, всё... Отвяжись!

- Новый грозитя порошок вывести. Серенького выкинул. Роеет! - выдохнул Бека.

Новый, старый, все гребут. Ни черта не будет с этого. Надя кивнула ему и выкатилась обратно. Ткнула Колю-Николая в бочину. Ух, как разъелся! Тот посмотрел на нее и шлепнул себя пальцем по носу. Надя сунула ему пакетик в ладонь.

- Кивнешь в среду, понял? Не жди!

Коля мигнул и усмехнулся. Знаю, мол, ученый. Ну, ну, увидим.

На улице дубак. Мело от Стамески до Греческого. Надя запахнула пальто и пошла быстрее. Тень от знака, распяленного на тросах, прыгала посредине тротуара. Надя торопилась. Сейчас сядет в машину. Там тепло, там...

Рядом с тенью от фонаря, рядом и чуть левее выскочила еще тень, синеватая такая, длинная. Надя развернулась и подалась ближе к улице, ступила на проезжую, на черный асфальт. Ей бы арочку обогнуть, а там все, там ее Сережка.

- Стой-ка!

Из фиолетовой темноты шагнул к ней дядька. Пальто светлое, ручищи. Протирка, с вокзалов? Или навели?

Надя подалась назад, но дядька ухватил ее за рукав. Надя тут же долбанула его носком по голени. Дядька охнул, но рукав не выпустил.

- И-мм-ут тя... Су-ка!

Он покривился и тряхнул её за плечо. И по роже счас ей... Потом сумочку... Потом...

Надя никак не могла вывернуться, долговязый держал за отворот крепко. Коленом она ему заехала, конечно. Но, похоже, вхолостую, увернулся. Заорать, так еще менты объявятся, запалишься. Заорать?

Из арочки метнулась еще тень, Надя рванулась и вскрикнула. Их тут компаха целая, похоже. А баллончик на таком ветру не возьмет. Не...

Второй был пониже, помятый, стёртый какой-то. Потёрханный. Рожа заплыла. Вокзальные. Надо же, как вляпалась!

- Эгей, мужики, чиго тут?

Из-за угла выплыл Сережа. Надя всхлипнула. Сережа выплыл. Серёжка!

Высокий все еще держал ее за отворот, а второй, тёрханный, обернулся и полез в карман.

- Серё... Се...

- ...ткнись...

Как только длинный повернул башку, Надя отступила на шаг и со всей силы жახнула его по колену. И тут же Сережа налетел на тёрханного, тот не успел вытащить нож. Сережа долбанул его коротко, глухо так стукнуло, как будто по глине лопатой - ж-жап. Голова тёрханного мотнулась, назад-влево. И ещё раз. Длинный отпустил Надин отворот, замигал, и Надя пихнула его в грудь. Здо-оровый ты какой, а!

Длинный закрутил башкой, выглядывая, куда б ему свалить. Но Сережа успел раньше, он толкнул тёрханного на длинного. Тот покачнулся и тут Надя, наконец нащупав в кармане бобок, выдрала его наружу и перетянула длинного по затылку. Тот лязгнул зубами, хотел было назад, но не успел. И-мх-х... Он кашлянул и наклонился. Как будто хотел что-то разглядеть на мостовой, на ноябрьской ледяной панели. Под чёрными тенями.

Сережа оттянул длинного в грудь и ниже, потом по ребрам и снова сунул ему в дыхло. Длинный сложился и тогда Сережа саданул его в табло. И еще раз. Надя еле поймала его за плечо, так разошелся, как машина все равно, поршнями ворочает.

- Хорош... Хорош, сказала!... Счас... ментура... Мен...

Сережа взглянул на нее, Надя так и запомнила его, сопящего, злого, все еще живущего там, в драке. Из-за нее. Наконец, он опомнился,

вздохнул.

- Чё они?

- Сумочку взять... наладилась... Пошли... Серёж... Менты сейчас сунутся... Пошли!

Они вывернули за угол и побежали мимо мигающего красного креста, мимо темных окон гостиницы, по острой стали блестящих в свете фонарей трамвайных рельсов. Побежали, намертво сцепив пальцы. И ладонь у Сережи была горячая, крепкая такая ладонь.

Дерется, как заведённый. Молчит. Не спрашивает. Не волнуется ни хрена. Мент? Интересно, разрешается ли ментам клеить клиенток? Если склеит, не мент, а если нет? Тогда она сама его склеит.

Когда сели в машину и, газанув, выдрались на Греческий, развернулись и дали газу по проспекту, Надя спросила:

- Как ты их завернул... Боксер, да?

- Учился. Было дело... Давно.

Надя оглядела его профиль. Роба хмурая, губу прижал, наверное, успели-таки ему навесить. Тут ведь как на войне. На тихой питерской войне. С засадами, с убитыми. «И где же ты, Серёжка, учился? В милицейском клубе, на Архипова?»

- Губа целая?

- Так себе.

Надя достала из сумочки платок и хотела протереть ему рожу-то. Сережа повернулся к ней, по лицу его скользнул фонарный свет. И в этом жалобном, желтом свете выскочила к Наде глупая, давно позабытая радость: ты есть, а это главное. Ты у меня есть. Да?

И сжала его руку. Как будто шли они по наледи и она, Надя, боялась поскользнуться. Поэтому и ухватилась. Так и ехали. Даже и говорить не хотелось, ясно всё.

Свет фонарей лез в салон, никого не спрашивая. Прыгал на стекло, съезжал на торпедо. Высвечивал пальцы на рычаге передач и узкие Надины ноготки, с прорисованными Лилькой цветами. А потом свет прыгал назад, проглаживал пустые сиденья. Новый столб и новый прыжок - стекло, торпедо, пальцы, ноготки. Следующий, и за ним...

Обуховка длинная, пока еще доедешь. И фонарный этот свет никак не мог забраться повыше и различить, какие у парочки глаза. Довольные или не очень?

- ...Как хочешь, а сама больше не повезу. Позавчера на Стамеске притёрли, думала, в рай вылечу. Если б не Серёга!

- Навели?

- Похоже с бана. Жарики.

- Я узнаю.

- Сам вози. Заодно и узнаешь.

- Бека мутит... А этого ты где взяла?

- Нинку на Герцена везла, он и проявился.

- Посветить?

- Машина у него чистая, я у Лёни узнала, а сам...

- Посветить, ага.

Юрок смотрел в окно. Там был все тот же дождь. И все то же небо. Серое, без просветов. Вороны даже попрятались. Что они, каторжные...

Диктор по телику все свое гнет: туманы, холода. Как же много этой туфты всегда гонят. Как будто они летчики или моряки там. А что про Сережку, Юрок, так не мент это. Он просто хороший и верный. Ментам всерьез клеиться не положено. Это все знают.

Только не Юркино это дело, с кем она, Надя, и почему. Делаю Сережа не помеха, а на остальное плевать.

Надя оглядела свитер Юрка. Красивый свитер, с каемочкой. Юрок всегда одевался чисто. И сам он дядька видный, хотя и не слишком веселый. Только с тетками ему не везет. Целую вереницу проштамповал, а все без толку. И такое у нее, у Нади, впечатление, что ему все равно. Тебя, её. Всё равно, какую. Любая это сразу видит. Скучный стал Юрок на эти дела. Это раньше он...

У них с Юрком было свое, особенное. Давно, правда. Но было. Когда ещё и квартир этих не было, и он, Юрок, после лагерей северных в Питер свалился. Надя удачно прозвонила тогда рижан, но взяла, дура, и закинулась на порошок. Юрок заметил, совсем край девчонке, заметил и выходил ее. Надя под коленом распорола себе вены, ступня вывернулась, провисла. Обезножила она. Так он ее под руки, в сортир там, в душ, таскал. Ей тогда казалось, это не просто слюни, как у каждой, у всякой, а такое... Когда пальцы за него отрежешь. И будет еще мало. А потом...

Потом выскочил к ней морячок. Самый настоящий. В белом кителе, во фланке хрустящей. Шевроны, обшлага, на фуражке золотой краб.

Замуж звал. Смехота! У него жена, дочка, а он ей, Наде-Стрелке, замуж предлагает. И жалко его, и куда девать, неизвестно.

И был такой глупый момент, когда она и сама, на неделю всего, взяла и сорвалась. Решила, чем, мол, она, Надя, хуже других. Так они с моряком зажгли, вспомнить страшно.

А однажды по утрянке слышит она, как этот флотский звонит жене и про дочку спрашивает. И сопли у него в голосе лезут, как у мужиков бывает, когда припрёт. И она, Надя, тогда подумала, глядя на синие полотнища, которые весна над заливом развесила, ни хрена, мол, у нас не выйдет. Зачем человека об колено ломать, он же её потом поливать станет. Жизнь пропала и все такое. Лучше уж она сама по себе. Как обычно. Вольная птица.

Долго объясняться с ним не стала, сроду этого не умела. Всё ему, как есть, расписала: так, мол, и так, у меня одна бригада на Морской, другая на Старопетровской, третья - на Саблина. Про порошок даже не заикнулась, сам допёр. И решение, что не могут они вместе, вышло у него легкое. Губы дрожат, все за неё, за Надю, хватается, а куда деваться. Она уже и видела, поправились у него мозги, полетит сейчас к жене, каяться.

Вот тогда у нее, у Нади, что-то - бац - щёлкнуло в голове. Сама ведь моряка того к жене спровадила, а потом себя пожалела. Полдня белугой провыла, потом айса накрутила и все. Даже удивительно, как живая осталась. Юрок приехал, бригаду с токсички привез, вытащили кое-как. Но с тех пор у них с Юрком пошло врозь. И слова скажет, и посмотрит, жалко ему, переживает, но то, что между ними раньше было, пропало, как будто перегорело. Калилась проволока, калилась, добела прям, да и лопнула.

И вот теперь, в мелком этом деле, в Юрке выскочило вдруг позабытое. Словами такое не объяснишь. Так он ее, Надю, спросил, и взглянул, она и сообразила, что Сережа ему поперек. Еще и сама она, Надя, не сообразила, а Юрок уже почуял. Значит, значит... Ни хрена это не значит. Сам не жрет и на других огрызается. Или нет?

Глава третья

Порошковая ярмарка на Литейном. Старые знакомые, пидорки, барбосы и газовщик-именник. Надя и ее девочки. Грустный Мамоля. Большой кайф у Тарей. Скандал с бывшей балетной царевной. О сестричке Саше и маме Жирафихе. "Игрушки ведь не умирают..." Кое-что о детском инспекторе Ивлеве. Серезжино предложение и фиолетовые сумерки.

Надя стояла с Лилей в уголке, у пышных штор и смотрела, как суетятся халдеи. Здесь, в богатом клубе, на Литейке, всегда спрос был. Что на девчонок, что на порошок. В ночь на субботу привалит народ, им веселье подавай. Дядьки есть прикольные, когда выпьют. Этот вот, лупоглазый, с двумя тетками, а тот вон с мужиком. И все глазами по Наде водят, будто им кто приказал. А дотронуться не могут. Как будто она, Надя, от них за тридевять земель.

Полный состав сюда приперла, всем занятие найдется. И теперь можно просто так постоять, посмотреть, кто почем.

- Надюш, там Юлик...

Толстый Юлик сегодня в порядке. Ему, Юле, охота веселиться. Но Юлик подождет. Сегодня главный газовщик, его сегодня поздравляют. Удачный кусок оторвал и не попался. Ему устроили здесь, в клубе, днюху, взяли большой зал, пуганов приперли. Даже Тареева зазвали. Только что он прошел мимо них, весь в коже, плотный, щеки висят. Идет, под ноги смотрит. Лиля ее за руку ухватила. И все головами закрутили. Известный, Тарас Тареев, ТТ, как же.

Сейчас врубятся, Тарей выдаст пару песен. И еще одну, на бис. Потом в другой клуб. У него, у Тарей, на полгода вперед расписано. Гребни, пока бабло в рожу лезет.

- Надек, привет!

Этот свой, этот не за девочками. Мамолин давно уже на юбки, коленки, косынки не смотрит. Ему надо пару колобанов ночью и один пузырик под утро, чтобы не гробануться. Мамолин давно и прочно у нее в клиентуре.

Надя взяла его за вялую ладонь, потрянула.

- Мамоля, ты как? Ударяешь?

- Фака, Надюш, одна фака везде. Меня ударяют, а я так... завидую.

Мамоля был сегодня тихий. А она его другим помнит, когда только все у него в гору поперло, Мамоля был ого, какой. Красивый, между прочим, мужик. Был. Гуляли как-то на Суворовской, в ресторане, где веранда над прудом. Весной, года три назад. Он же, Мамоля, совсем молодой. Сначала с ним Оля-Левая была, потом Арина-Рядок, потом... Потом Мамоля в психичку загремел. И все. Кончились девочки, пошла суетень.

- А ты брось свои... своё...

- Неа, Надюнь, мне лень. Мне охота - дыщ - и протереться.

- Смотри, Мамоль, съедешь!

- Так и все когда-нить съедут.

Мамоля мог стихами залудить, красиво так, под настроение. Выпьет и давай. И ей, Наде, тогда казалось, какая жизнь выходит, яркая, сочная, в самый цвет. И сколько еще её, жизни, впереди...

- Надь, Надя, на минутку!

Ирка-Морозок стояла перед ней в розовом своем платице, запудренная, рожа довольная. И глазами хлопает. Ухватила кого?

- Там один... в Колпино зовет. А ехать... неохота. Далеко. Он сулит красиво. Я займу место на Саблина, ладно?

Надя кивнула ей, Ирка поправила прическу и пошла к своему мордастику. Он стоял уже теплый, крутил башкой. Ирка его на голову выше, вся такая завитая, тонкая такая. Каблуки как гвозди. Ирка дернула его за локоть и они поперлись вниз.

Халдеи мелькали тут и там, таскали выпивку и пустые подносы. И пустые, и полные. Потом стекла дрогнули, в зале проорал что-то Тареев. И-дац-дац... Ле-еее... Ла-ааа... У него, у Тареева, были песенки тихие, на особый лад, а эту всю чухню, про волю, про мосты, про обрыв Надя не любила.

- Три по пять и один нахлестом, пораньше, проедем?

Да хоть по десять, мое какое дело, вам же завтра гостей оживлять, не мне.

- И еще полторы...

- Лиля, дай ему, вот ему, одну складочку. Одну!... Будут деньги, дам еще. Все, пошёл!

Толстый барбос шушукался с девочкой в уголке, шушукался, за руку брал. И у него рожа глупая, а уж у нее, у девочки... Иногда бывает такое, въехал в какую, потом, утром, не знает, как сказать. У него же дочка старше этой девочки. У него же дома тахта, а на тахте жена ждет. Приятная такая женщина. С высшим нефтяным образованием. А он тут девчонке пальцы целует.

Какой-то парень запустил руку на стойку, выудил рюмаху. Бармен его мягко за руку взял, придержал, рюмаху из нее вынул и внятно сказал пареньку:

- Протянесся еще раз так, сломаю руку. Сло-ма-ю!

Выпустил паренька, тот сел на стульчик пухлый, глазами хлопает. Интересно, правда сломает или так, жалом трясет? По роже не поймешь, смотрит спокойно. Такие самые опасные. Такие...

И какие-то сопливые мирные девчонки выплясывали, крутили задками. Приятно смотреть, когда люди веселятся на самом деле, а не только за бабло вид делают. Когда им, людям, на самом деле весело.

- Женёк, т-цц, поди-ка, Женёк... Смотри сюда... Сю-да!... У него, вон у того рыжего сальника сама сдачку не бери. Ты поняла? А потому, Женёк, что потом сама поедешь евры туфтовые менять. Почему? Поняла? По-ня-ла? Он же жареный, сальник-то. И давно уже всем про него ясно. Кроме тебя, Женёк.

Очень уж Тарейчик разорался. Ни черта не слышно. И пидорки на музон так и сыпятся. Милые такие пидорки. В шелковых штанах.

Пидорки узнали Надю, полезли обниматься. И сунули ей яблоко. Румяное такое, красивое яблоко.

- Откуда?... Наше, ясинское? От баушки, надо же.

А что такого, у пидорков есть ведь баушка. И мама, а как же. У нее ведь, у Нади, тоже все это было. Когда-то, давным-давно. И сестричка Сашка... Хрена она вспомнила? Не надо. Не стоит.. Но какие ж вы, голубизна, ласковые.

- Дай им, Лиля, по сандальке, пусть тащатся.

Молодые крашенные пидорки сгорают в полгода. Всего-то у них этой радости в сортирах кабацких осталось до весны.

- ... Нет, майчик, нету. Было и все кончилось... И знаешь что, иди-ка ты, писёк, домой, пока с тобой все в порядке. А то пригреют.

- ...Валера, этого кто сюда пустил. Не знаешь? Ты его похорошему... Ну, да, да. Зачем тебе промблемы?

Сережка встретил ее внизу, в вестибюле. Длинная ночь всех уже развела и теперь можно было отдохнуть. Надя потёрла лоб. Сорок и шесть пополам. И еще три сотни пачек. И всего это будет, это будет...

Гардеробщики курили, вытягивая губы и пуская дым вверх. Гардеробщики курили обычные, незаряженные сигареты. Им шмаль не по карману. Хотя на Цандера, в "Яхте", Надя знала одну богатую гардеробщицу, Валюху. Та такие дела провертывала, сказать страшно. Пока ее не зацепили. Пять плюс два. Больше с Валюхой не свидимся.

- ...Я устала? Ничего подобного. Я еще вполне. Спать не хочу. Ни капельки. Честно.

Офигенно приятно, когда тебя вот так спрашивает мужчина, который тебя... с которым ты... И всё такое. Сережка так смотрел на нее, что просто надо было быть душой, чтоб торчать тут, среди халдеев и протарщиков, а не сорваться сию же минуту в загул. Ольгино-Разово-Фарфорка-Лисий Нос. И далее. Но дела, дела... Двести сорок на три, плюс половину Лиля Маляке отдала. Отдала?

- Лиля, Лиль... Ты сколько Мале отдала, половину? А он тебе что? И дура... и еще раз дура. Пойди заberi. Пока он в памяти.

«Устала. Я устала, Сережка. Я так устала, милый. И я хочу домой. Домой. Мы бы приехали, выпили бы по глотку и легли бы спать. Друг с другом. Как все нормальные... нормальные...»

- Надо еще на Лигу, потом в Сидуху. Как там разбирают, втихую или баламутят. Всех девчонок отправили? Нет, Ирка раньше уехала. У нее ценный кадр, они на Саблина дёрнули... Лиля, бери Женька и поехали.

Гардеробщики бросили курить и пошли принять в конце смены по половинке. Что же, это ничего, это вполне так.

А на пустом Литейном стоял туман. Как и обещал всем грустный диктор. Мог бы, наверное, сказать, что весна, мол, ребята, будет обязательно. Не бойтесь. И на радио стало бы одним диктором меньше. Или это можно? В конце смены, как гардеробщикам. Немножко помечтать. Отпустить тормоза.

Надины девчонки смотрели на Серезу. Каждая по-своему. И Лиля смотрела, и даже Женёк. Как только девочка новая появится, так ее всю обсмотрят. Почему и когда, почему ты и сколько, соображаешь

или дура? А тут парень. Только Сережа ни на кого не смотрел. Даже на Женька. "Да-нет" скажет и пошел себе. Лиля, конечно, ерунда. Малявка, мушонок бессмысленный. Смазливая и все. А Женёк у нее прима. Номер два. Почему два? Потому что после Нинки. Нинка вообще статья особая. Если бы не её большая любовь к фуянцу этому, могла бы в чистоте устроиться. Или нет? Говорят, те тетки, которые по съёмным делам, нигде больше себя не найдут. Хотя бы и на край света сбегут, а и там то же делать станут. Или врут?

Через неделю поехали они за долгом. Нет, не пожар, все по-хорошему. Проверенный клиент, с Высотки, брал вязочку займы, теперь вот отзвонился, просил заехать. Высотка, Комиссаровка, там из Ленсовета раньше жили, место красивое. И дома, один к одному. Ну, притащились, смотрим, где клиент. Подъезд, пищалка, вестибюль с зеркалами. Все, как полагается.

В прихожей Надя сразу поняла: тут большой кайф. Все носятся, как лошади на пожаре, музон, трезвон. Соседей нет, квартирища во весь этаж. С лестницами внутри, пентик, на балконе хоть танцуй. Девочки всякие, пацаны ерундовые. Пока она решала свои дела, сверху Тарейка и ссыпался. Причем у всех рожи веселые, а у него, у ТТ, растерянная. Тогда, в клубе на Литейном, он был от всех загороженный, сам по себе, ТТ в кожанке. А тут - на тебе - помогите, Ланке плохо...

* * *

ОКОНЧАНИЕ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

**ПОЛНЫЙ ТЕКСТ В СОСТАВЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ВЫ
МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ, ПЕРЕЙДЯ ПО КНОПКЕ "КУПИТЬ"
РЯДОМ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СБОРНИКА РАССКАЗОВ
ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
semenov-2211@yandex.ru**